

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ АНТОНИЕВ МОНАСТЫРЬ

Тема «Александр Невский и Новгород» остаётся актуальной до настоящего времени. Многие моменты правления этого князя в Новгороде оцениваются неоднозначно и вызывают научные споры. Наш рассказ, посвящённый конкретному вопросу почитания Александра Невского в Антониевом монастыре, в какой-то степени расширяет представление о незаурядной личности Александра Невского как военного стратега и государственного деятеля (Рис. 39, 40, 41 цв. вкл.).

В ОПИ НГМ хранится Синодик (поминальная книга) Антониева монастыря¹. Основная его часть написана одним почерком, полууставом, на бумаге с водяным знаком «ЯМАЗ», который расшифровывается как «Ярославская мануфактура Алексея Затрапезного» и датируется 1756 г.² Эта часть Синодика написана, таким образом, не ранее 1756 г. Верхняя дата — 1762 г. — устанавливается последним годом правления императрицы Елизаветы Петровны. Её имя стоит последним в списке государей, написанных почерком главного автора Синодика. Имя Екатерины приписано позднее другим почерком и другими чернилами. Синодик дополнен разновременными записями, выполненными скорописью после 1762 г. Последние относятся к 1821 г. Автор основного текста Синодика, без сомнения, пользовался более ранним текстом, копируя его. В Синодике есть имена людей, живших в XVI в.: иконописца Антониева монастыря Анании с датой его смерти, вкладчиков купцов Сырковых и многих других, а также большое количество представителей известных родовитых фамилий XVII в. Синодик упоминается в Описи древностей Антониева монастыря до 1800 г., при этом автор её правильно относит основной текст к середине XVIII в.³

На четвёртом листе Синодика в основной части помещён список создателей монастыря. Вслед за его основателем Антонием Римлянином упоминается великий князь Александр, «во иноцехъ Алексий». За ним следует имя князя Дмитрия, скорее всего, сына Александра Невского, также княжившего в Новгороде. Упоминание имени Александра Невского среди создателей обители рядом с её основателем свидетельствует об особой роли князя в истории Антониева монастыря.

Неслучайным представляется и тот факт, что в XVII в. икона с изображением Александра Невского находилась в местном ряду иконостаса справа от Царских врат рядом с образом преп. Антония Римлянина, который следовал, в свою очередь, за храмовой иконой «Рождество Пресвятой Богородицы». Такое расположение икон зафиксировано в Описи монастыря 1696 г.⁴

По Описи древностей до 1800 г. этих икон в главном иконостасе в XIX в. уже не было. Вероятно, они не поместились во вновь сделанной в 1716 г. и реконструированной в XIX в. резной раме иконостаса. Но в этой же Описи упоминаются иконы с изображениями святых Антония Римлянина и Александра Невского на одном из столбов. При этом Антоний Римлянин изображён «с чудесами» на полях, а Александр Невский — «в схиме с венцом и короною сребропозлащенными чеканными». Обе иконы по краям были обложены басмой⁵. По-видимому, именно эти иконы были перемещены на столб из иконостаса после 1716 г.

Специалисты, производившие осмотр достопримечательностей храма в 1922 г., датировали икону с изображением Александра Невского XVI–XVII вв. Комиссия в составе московских специалистов Д. П. Сухова, П. Д. Барановского, М. П. Мошкова и сотрудников Новгородского музея Н. Г. Порфиридова и С. М. Смирнова предлагала сохранить басменный оклад иконы⁶.

В связи с вышесказанным встаёт вопрос о причинах такого особого почитания в Антониеве монастыре новгородского, а затем великого владими́ро-суздальского князя.

Ответ на этот вопрос находим в текстах грамот царей Ивана Васильевича (1555 и 1563 гг.) и Василия Ивановича Шуйского (1606 г.), опубликованных Амвросием (Ор-

натским), которые подтверждают дарственную грамоту Александра Невского Антонию монастырю. В грамоте Василия Ивановича её содержание излагается следующим образом: «...на Броннице на Мсте реке дали перевоз на темьян и на ладан», при этом «наших князей и детей боярских и иных людей, которые идут на нашу службу, и торговых и всяких проезжих людей перевозят в своих судех, а пошлины от перевозу на ратных людей не емлют и перевозят их беспошлинно, а емлют пошлину от перевозу на торговых и на всяких проезжих людей, а опричь того их монастырского перевозу вверх по Мсте до Прилука, а на низ до Лебяжьего куста ратных, а торговых и всяких проезжих людей не перевозит здесь ниhto»⁷.

Перевоз через Мсту в Бронницах и транспортировку проезжающих по Мсте на участке от деревни Прилуки до Лебяжьего куста Александр Невский пожаловал монастырю на условиях единоличного права. Но пошлины монастырские служители могли брать не со всех проезжающих. «Ратные» (военные) люди пользовались монастырским перевозом беспошлинно.

Населённые пункты Прилуки и Бронницы сохранились до настоящего времени. Деревня Прилуки располагается на левом берегу Мсты: от Бронниц вверх по течению реки за деревней Белая Гора. Бронницы расположены также на левом берегу Мсты на трассе Москва–Санкт-Петербург. Мста являлась важнейшей частью древнейшего Волжского торгового пути, который соединял Новгород с низовскими русскими землями. Системой волоков Мста соединялась с Тверцой, впадающей в Волгу. Известно также, что в период Новгородской республики, а возможно и ранее, по левому берегу Мсты проходила сухопутная дорога, которая в XVI в. называлась «Дубецкая». Использовалась и дорога вдоль правого берега Мсты, но гораздо реже. Правым берегом Мсты, используя Бронницкий перевоз, продвигалась часть войск Ивана III в поход на Новгород в 1475 г. Во время следующего похода Ивана III в 1477–1478 гг., когда восточное направление было избрано основным в наступлении на Новгород, из шести отрядов, выступавших из Торжка и Вышнего Волочка, два шли вдоль левого берега Мсты, а один, переправившись через реку, вдоль правого⁸.

Анализируя летописные сообщения о походе Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг., М. И. Васильев пришёл к выводу, что в центральной части Новгородской земли, связывающей Новгород с Северо–Восточной Русью, существовала «густая и разветвлённая сеть сухопутных дорог». По его мнению, ещё одна известная с древнейших времен сухопутная Яжелбицкая дорога в летний период направлялась через населённый пункт Тухоли на Бронницкий перевоз⁹.

Восточным путём наступал на Новгород князь Александр Невский в 1255 г., когда он вступился за своего сына Василия, княжившего в Новгороде. Он мог перемещаться либо по берегу Мсты (это была зимняя кампания), либо использовать Яжелбицкий путь. Новгородцы выставили против него полк за церковь Рождество Христово на Красном поле. Этот факт позволяет предположить, что князь двигался из Бронниц напрямую, через Малый Волховец¹⁰.

Самое раннее упоминание населённого пункта Бронницы в новгородских летописях относится к 1269 г. В связи с конфликтной ситуацией, возникшей у князя Ярослава с новгородцами, он покинул Новгород. Но новгородцы вернули его «съ Бронницы»¹¹. Начиная с XVI в. Бронницы упоминаются достаточно часто. Это был крупный населённый пункт на пути в Москву.

В 1537 г. через Яжелбицы в Новгород шёл князь Андрей Старицкий, но владыка Макарий и новгородцы воспротивились этому и не пустили князя, послав навстречу — на «Броничи» — воеводу Ивана Никитича Бутурлина «с нарядом»¹². В августе 1568 г. владыка Пимен по дороге в Москву остановился на ночлег «на Брониче», а в октябре ездил туда же встречать великого князя Ивана Васильевича (Грозного)¹³. В августе 1572 г. крестьяне «ставили на государя кормы» в Бронницах и других установленных по дорогам ямах — придорожных населённых пунктах, где можно было остановиться на ночлег и поменять лошадей¹⁴. В 1611 г. во время шведской интервенции воевода Василий Бутурлин с войском, по-

стояв в Бронницах, отправился в Москву¹⁵. Неслучайным и исторически обоснованным представляется происхождение топонима *Бронницы*, известного также в фонетическом варианте *Брониче* (чередование *ч-ц* характерно для новгородского диалекта). Это форма множественного числа от древнерусской лексемы *бронник*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» выделяет два значения этого слова: «воин в броне» и «мастер, делающий оружие», — оружейник. Производящей основой лексемы *бронник* является субстактив *брон-* (*-я*) в значении «латы, панцирь»¹⁶. Исходя из двух выделенных значений лексемы *бронник*, можно предположить два возможных варианта происхождения топонима: либо в этом населённом пункте находился военизированный отряд, что более вероятно, учитывая экстралингвистические факторы, либо здесь жили оружейники.

По данным XVI–XVII вв., в Бронницком погосте Деревской пятины Антониеву монастырю принадлежали земельные владения с подвластным ему крестьянским населением. Несудимая грамота Василия III 1524 г. освобождала крестьян Антониева монастыря, в том числе и проживавших в Бронницком погосте, от суда архиепископа. Право суда над подвластными крестьянами передавалось игумену. Исключение составляли дела, связанные с «душегубством и разбоем», а также конфликты с городскими жителями. В первом случае суд вершили наместники великого князя, во втором — сместной суд: игумен с наместниками, дворецкими и «волостителями»¹⁷.

По Описи монастыря за 1696 год в Бронницком погосте за ним числилось 62 крестьянских двора¹⁸.

Грамоты великих князей и другие документы монастырского архива долгое время хранили память о важнейшем пожаловании, сделанном Александром Невским в Бронницах и позднее расширенном с помощью купли или дарения. Неслучайно, что начавшееся при Алексее Михайловиче и особенно проявившееся при его сыне Петре I возвеличивание культа Александра Невского не прошло в монастыре бесследно и ознаменовалось строительством храма в честь святого благоверного князя.

В 1698 г. к надвратной церкви Сретения, переосвящённой в XVI в. в честь «Иоанна Списателя Лествицы», с севера пристроили одноэтажный каменный больничный корпус с церковью Александра Невского. В стену здания заложили плиту с пространной надписью, в которой сообщались принятые в таких случаях сведения: имена правителей, при которых возводилась постройка («царя и великого князя» Петра I, патриарха Кир-Адриана, новгородского митрополита Иова), её назначение: «на жительство и покой скорбным и престарелым братиям», а также имя главного устроителя и вкладчика Петра Матвеевича Апраксина. Кроме него средства на строительство жертвовали и жители Новгорода¹⁹. П. М. Апраксин занимал в то время должность новгородского воеводы и ближнего окольного. Известно, что в 1696 г. он вложил в монастырь серебряный кубок. Младший брат Петра Матвеевича Федор Матвеевич входил в ближайшее окружение Петра I. Братья Апраксины породнились с царским родом благодаря женитьбе брата Петра I Федора Алексеевича на их сестре Марфе²⁰. Род П. М. Апраксина как вкладчика записан в упомянутом ранее Синодике Антониева монастыря²¹.

Посвящение больничной церкви в Антониеве монастыре Александру Невскому, без сомнения, связано с тем, что Петр I возвёл почитание святого благоверного князя Александра Невского на общегосударственный уровень. Особенное возвеличивание его культа произошло после основания Петербурга в 1703 г. и Александро-Невской лавры в 1710 г., куда по указу государя в 1723–1724 гг. из Владимира перевезли мощи князя²².

Богато украшенная ладья с мощами, следовавшая водным путем (по Мсте) в Новгород через Бронницы, останавливалась в двух местах: в Юрьеве и Антониеве монастырях, что, конечно, объяснялось особым почитанием князя в этих монастырях²³. В Юрьеве монастыре покоились мощи его брата Фёдора и матери Ефросиньи.

С петровского времени указом Синода (1724) Александра Невского было принято изображать только в княжеских одеждах. На некоторых иконах он представлен на фоне Александро-Невской лавры²⁴. В Описи Антониева монастыря 1916 г. при входе в придел Грузинской иконы Божией Матери упомянута икона святого благоверного

князя Александра Невского, изображённого в рост в княжеской одежде, с Александром-Невским монастырем²⁵.

На медном покрытии («одежде») престола в приделе св. Антония Римлянина среди восьми рельефных чеканных изображений святых, расположенных по сторонам четырёх центральных композиций («Тайная вечеря», «Положение во гроб», «Воскресение Христово», «Снятие со креста») опись 1916 г. упоминает Александра Невского. Кроме него: святитель Василий Великий, епископ новгородский Никита, особо почитаемый в Антониевом монастыре, Иоанн Богослов, Антоний Римлянин, Вениамин, Онуфрий Великий и Петр Афонский²⁶. Подобный покров мог быть устроен не ранее XVIII в. Как и икона при входе в придел Грузинской иконы Божией Матери, так и изображение Александра Невского на «одежде» престола свидетельствуют о продолжении ранней традиции его почитания и в поздний период монастырской истории.

Таким образом, исторический факт пожалования Александром Невским Бронницкого перевоза через реку Мсту обернулся особым его почитанием в Антониевом монастыре, продолжавшимся на протяжении многих столетий. Характер самого пожалования вносит дополнительные штрихи к портрету новгородского князя как государственного деятеля и стратега. Пожалование было выгодно монастырю, т. к. оно давало немалый доход в монастырскую казну. Вместе с тем, монастырь был включён в сферу государственных интересов: он нёс постоянную службу по обеспечению безопасности важнейшего участка водного пути, который вёл в низовские русские земли.

¹ ОПИ НГМ КП–30056–863 / Кр–227.

² Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978. С. 236.

³ ОПИ НГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. Л. 67 об.

⁴ Димитрий, епископ Рязанский. О внутреннем устройстве и убранстве храмов Антониева монастыря в XVII веке по сравнению с настоящим их состоянием // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. 1, ч. 1. С. 231–232.

⁵ ОПИ НГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. Л. 29 об.-30. Изображение Александра Невского «в схиме», т. е. монашеской одежде, получило распространение в XVI–XVII вв. наряду с другим изводом, где князь изображён в княжеской одежде. (См.: Квлибидзе Н. В. Александр Невский. Иконография // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 543–544).

⁶ ГАНО. Ф. Р–822. Оп. 1. Д. 338. Л. 24.

⁷ Амвросий. ИРИ. Ч. 3. М., 1811. С. 176–178, 223–224.

⁸ Васильев М. И. Маршруты походов великих князей на Новгород в XII–XV вв. (К вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и низовскими землями в эпоху средневековья) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 276–280.

⁹ Васильев М. И. Маршруты походов ... С. 274, 280.

¹⁰ НЛ. СПб., 1879. С. 62–63.

¹¹ НПЛ. С. 88, 319.

¹² НЛ. С. 69.

¹³ НЛ. С. 97–98.

¹⁴ НЛ. С. 120.

¹⁵ НЛ. С. 357.

¹⁶ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 4, ч. 1. А–Д. С. 183; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 337–338.

¹⁷ Амвросий. ИРИ. Ч. 3. С. 136–141.

¹⁸ Димитрий, епископ Рязанский. О внутреннем устройстве и убранстве храмов ... С. 250.

¹⁹ Амвросий. ИРИ. Ч. 3. С. 109. Сведения об этом событии и текст надписи содержится в описи монастыря 1730 г., опубликованной Амвросием.

²⁰ Апраксины // РБС. Т. 2. Алексинский – Бестужев-Рюминь. СПб., 1900. С. 239–240, 256–258. В 1707 г. Фёдор Матвеевич получил звание генерал-адмирала, удостоился графского титула. С 1717 г. возглавлял Адмиралтейств-коллегию, с 1726 г. стал членом Верховного Тайного совета. Апраксин много сделал для строительства русского флота. Участвовал во многих военных сражениях, в том числе при взятии Выборга в 1710 г. В 1714 г. руководил сражением со шведами у Гангута.

²¹ НГМ КП 30056–863 / Кр–277. Л. 21 об., 23.

²² Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 168.

²³ Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского, в иночестве Алексия. СПб., 1855. С. 92–100.

²⁴ Назаренко А. В. Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 542–543.

²⁵ ОПИ НГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. Л. 69 об.

²⁶ Там же. Л. 84.